

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1958 ГОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
М. Н. ТИХОМИРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1 9 6 0

Д. С. Лихачев

ПОНЯТИЕ «ЛУЧШЕГО СПИСКА» В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Если приходится издавать исторический памятник по нескольким спискам со сложной рукописной традицией, то какой из них следует положить в основу издания? Само собой разумеется — лучший. Но что такое «лучший список»? В этом важном вопросе мы не имеем единых взглядов. Понятие «лучшего списка» сильно колеблется в зависимости от того, как текстолог представляет себе движение текста памятников.

Наиболее простой случай: текстолог берет за основу самый исправный список, т. е. список, в котором нет или сравнительно мало внешних дефектов — пропусков, описок, неясных мест и т. д. Конечно, издатель текста должен считаться с тем, много ли внешних дефектов в списке, который он собирается принимать за основной. Однако «исправность» списка далеко не то его качество, которое следует иметь в виду в первую очередь. Ведь «исправность» текста может быть результатом последующих исправлений, а не следствием его первоначальной сохранности. Представление о том, что наилучший текст в смысле его понятности, композиционной и стилистической стройности — авторский, не всегда верно. Напротив, очень часто бывает так, что средневековые писцы отделяют предшествующий текст, составляют обширные компиляции (такими компиляциями являются летописи, хронографы, палеи и т. д., фактически не имеющие единого «автора»). Они переосмысливают текст, «облегчают» его, поновляют или, в соответствии со своими вкусами, архаизируют (вносят, например, в текст церковнославянизмы), восполняют пропуски и т. д. Отсюда ясно, что хороший переписчик — тот, который точно копирует текст с его ошибками и непонятными словами, с устарелыми формами языка, а в пергаменных рукописях часто даже подражает почерку оригинала. Дурной же переписчик тот, который не уважает переписываемый им текст, исправляет его, осмысливает, ибо ошибки — плод исправлений, а исправления в свою очередь плодят ошибки.

Итак, «исправность» списка может быть мнимой: она может явиться результатом поздней обработки текста. Отсюда ясно, что одна только «исправность» списка, без изучения истории его текста, не может служить признаком «лучшего списка».

Другой случай: текстолог берет за основу наиболее древний из дошедших списков (*vetustissimus codex*). Смещение древности списка с древностью его текста давно опровергнуто в текстологии, однако в текстологической практике еще встречается¹. Между тем относительная древность

¹ Так, например, Н. F. Williams в журнале «Romance Philology» (1953/4, VII, стр. 238—239) в рецензии на издание А. Бломквиста «Roman des Deduis» Case de la Buigne предлагает публиковать списки, группируя их по старшинству, исходя из

списка (если это только не автограф) не означает еще древности его текста. Древнейший текст может быть представлен списком более молодым, но списанным с оригинала более древнего².

Третий случай: текстолог считает лучшим списком тот, в котором меньше всего индивидуальных чтений³, текст которого получает подтверждение в большинстве других списков. Именно такой список текстолог принимает за «основной» («le manuscrit de base»), полагая, что история текста — это история только отдельных расхождений, получающихся в результате того, что каждый переписчик копирует *один* лежащий перед ним список. Между тем текстологическая практика (особенно в области изучения летописания, но не только летописания) ясно показывает, что переписчики или, вернее, древние редакторы текста нередко имели перед собой не один список, а несколько, проверяя один текст другим, создавая полные и «распространенные» редакции, новые виды произведения, «своды»⁴. Французский текстолог А. Дэн обращает внимание на то, что переписчик, составляющий официальный экземпляр и имеющий в своем распоряжении несколько рукописей, среди разных вариантов может выбирать понравившийся ему. Переписанный им список становится, таким образом, «editio variorum», и это очень усложняет классификацию списков, выбор лучшего⁵.

Иными словами, наряду с расхождением текста история текста знает и его частичные схождения, сознательные «исправления» и дополнения текста одной редакцией по другой, выборочную переписку текста из разных списков, из разной рукописной традиции и, как следствие этого, уничтожение индивидуальных чтений, иногда восходящих к архетипу произведения, и замену их чтениями, общими для многих списков, т. е. создание своеобразной «вульгаты», рядом с которой может сохраниться в единственном или в малом числе списков вполне «индивидуальный» текст, который и будет древнейшим, лучшим.

Итак, в установлении «лучшего списка» мы не должны руководствоваться только тем соображением, что в нем мало внешних дефектов или опусок (отсутствие дефектов и опусок может быть, как мы уже видели, следствием последующих исправлений и осмыслений), или тем, что это список древнейший (относительная древность списка не означает, что и текст этого списка древнейший), или тем, наконец, соображением, что в нем мало индивидуальных чтений (это может быть результатом последующих «схождений» текста или результатом того, что наибольшее распространение по-

принципа «чем старше список, тем ближе он к оригиналу». На то обстоятельство, что списки позднейшие могут оказаться гораздо древнее по тексту, чем списки древнейшие в русской науке обратил внимание еще И. И. Срезневский (см. его «Славяно-русскую палеографию XI—XIV вв.», СПб., 1885).

² Так именно обстоит дело со списками «Домостроя», «Девгениева деяния» и многими другими.

³ Этому взгляду придерживался академик В. Н. Перетц: «Ошибки могут быть индивидуальными для каждого списка—такие при построении родословного древа менее важны; но общие ошибки дают верный путь для раскрытия судьбы памятника и установления его рецензий или изводов» («Из лекций по методологии истории русской литературы». Киев, 1914, стр. 272).

⁴ «Своды» встречаются не только в летописании. Большинство литературных произведений древней Руси входит в состав тех или иных сводов, но и сам текст той или иной повести очень часто является результатом сведения воедино текста разных списков. В списке «Повести о зачале Москвы» (ГБЛ, Собр. Румянцева, № 413) на полях написано киноварью: «Сия повесть свожена. Где и у ково сия повесть услышитца или увидитца, и брано, и свожено, и сходилось, только zde справлено речи мало нечто, а сводил не с одного переводу» (см. Л. Н. П у ш к а р е в. Повесть о зачале Москвы. «Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 223). Это заметка читателя, своеобразного текстолога, заметившего, что список повести соединен из различных источников. Несколько ниже тот же читатель киноварью помечал, где, по его мнению, находится конец повести. Против слов «Симеон, Иван» записано: «Сей повести де конец, что свожена не в одно время» (л. 134).

⁵ A. D a i n. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 126.

лучил какой-либо, иногда весьма поздний, вариант текста). Все эти признаки сами по себе, в отрыве от других данных, не могут служить принципами отбора «лучшего списка».

Механическое следование определенным навыкам текстологической работы, механичность в классификации текста, в разбивке его на редакции, в выборе «лучшего списка» — бич текстологии. Безоговорочное следование одним и тем же правилам, исходящее из однообразных и нивелирующих индивидуальные случаи представлений об истории текста памятника, ни в коем случае не должно применяться в текстологической работе. Знать, что делаешь, и во всем соблюдать историчность — единственное текстологическое правило, которое обладает всеобщностью⁶.

Понятие «лучшего списка» в значительной мере условно и зависит от цели, которую преследует издание текста. Если цель издания — дать представление об авторском виде памятника, то лучшим списком будет тот, который в результате изучения истории текста памятника окажется наиболее близким этому авторскому виду. Если цель издания — дать представление о всех этапах истории текста памятника, то лучшие списки должны быть ближайшими по тексту к каждому этапу истории текста: редакции, виду, изводу и т. д. И здесь все зависит от того, насколько точно восстанавливается история текста памятника. Установление истории текста памятника — необходимое условие для определения лучшего списка или лучших списков.

Не всегда, конечно, историю текста памятника можно восстановить более или менее точно. Иногда приходится ограничиваться предположениями или даже признавать свое бессилие в установлении истории текста. В таких случаях издание текста должно давать читателю представление о всех видах текста (редакциях, видах, изводах и т. д.). В этих последних случаях лучший список должен быть наиболее типичным, но выделение типичного текста как лучшего для издания — это не правило, а исключение, знак того, что в данном случае текстологу пришлось «сложить оружие» перед невозможностью установить лучший список.

Итак, лучший список — это список наиболее близкий тому этапу истории текста памятника (авторскому тексту, отдельной редакции, изводу и т. д.), о котором текстолог считает нужным дать в своей публикации представление читателю.

Но что означает это выражение «наиболее близкий»? Текст может быть наиболее близок по составу, но менее близок, чем другие, по языку, иметь частные стилистические изменения, но сохранять близость по содержанию, иметь небольшие преднамеренные изменения или изменения большие, но случайные и т. д. В этих случаях условность выделения лучшего списка возрастает. Для языковеда наибольшую важность будет иметь язык списка, для историка — его содержание, для литературоведа — стиль и содержание. Выбор списка может оказаться различным у языковеда, историка и литературоведа. Однако во всех случаях — и в случае издания языковедческого, и в случае издания исторического, и в случае издания литературоведческого — мы в первую очередь должны считаться с преднамеренными изменениями текста, а во вторую — со случайными, непреднамеренными. Когда-то считалось, что механические изменения текста встречаются чаще, чем намеренные, и поэтому прежде всего следует считаться с ними. Это неправильно: простая порча текста не составляет еще его историю. История текста — это в первую очередь история его сознательных изменений, — это история тех людей, которые за этим текстом стоят.

На всем протяжении истории текста памятника на него оказывают воздействие люди с их классовыми интересами и идеями, с их вкусами и

⁶ Ср. сходную мысль в кн.: A. D a i n. Les manuscrits, p. 165—167.

воззрениями, с их навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей по большей части наибольшее значение имеет автор, но важное место занимают и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, снабжающие текст своими глоссами или влияющие на судьбу текста через переписчиков и редакторов; а за всеми этими людьми стоят еще люди и люди. Все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

Увидеть за списками памятника, за его редакциями, вариантами и разночтениями конкретных людей во всем их разнообразии и разноликости — в этом и состоит искусство текстолога, которое сказывается во всех звеньях его работы, в том числе и в условном выборе лучшего списка.
